

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Вяч. П. Океанский

Доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии (ВАК РФ); доктор философских наук (Международный сертификат ООН и ЮНЕСКО); заведующий кафедрой культурологии и изобразительного искусства, научный руководитель Центра кризисологических исследований Шуйского филиала Ивановского государственного университета; почётный работник ВПО РФ; член союза кинематографистов России

Ж. Л. Океанская

Доктор культурологии, профессор по кафедре культурологии и литературы (ВАК РФ); профессор кафедры иностранных языков и профессиональных коммуникаций Ивановской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России

Образ Данте в наследии Рене Генона как окно в метафизику культуры и пристальный взгляд оттуда (к 700-летию Данте Алигьери)

Обращение Рене Генона к Данте Алигьери основывается на опыте эзотерической герменевтики «Божественной комедии»: в его работе «Эзотеризм Данте» приводится отрывок из книги Элифаса Леви «История магии»: «Произведение великого гибеллина есть объявление войны папству через дерзкое раскрытие мистерий. Эпопея Данте иоаннитская и гностическая; это дерзкое применение фигур и чисел Каббалы к христианским догмам и тайное отрицание всего того, что есть абсолютного в этих догмах. Его путешествие через сверхъестественные миры происходит как посвящение... Это уже превзойдённый протестантизм, и поэт, враг Рима, уже разгадал Фауста, поднимающегося на небо на голове побеждённого Мефистофеля. Генон даёт обстоятельный комментарий этого беспрецедентного указания: обращается к розенкрейцерству, исламским влияниям на Европу, а также к персидским, индийским и даже китайским духовным традициям, связанным с зороастризмом, буддизмом, индуизмом и даосизмом; кроме того, им привлекается к рассмотрению метафизика циклов Гераклита и Ницше. Однако, в качестве преследуемой им цели является не систематический разбор дальних и ближних контекстов и символических маркеров, но формирование инициатической ориентации, как ему кажется, безнадежно утерянной на путях западной антропологии.

Ключевые слова: Данте, Генон, метафизика, традиции, Запад и Россия, отечественная интеллектуальная культура.

«Метафизика, - великолепно отмечал Бердяев, - не может найти своего завершения в системе понятий – она завершается в мифе,

за которым скрывается реальность». Так понимаемый миф есть ансамбль энергично-сущностных имён и символических образов,

доступная человеческому переживанию целостность космоса, хранящего тепло Божественного присутствия. Но такие имена возникают в стихии «поющего сердца», самоповторяются бесконечно и уже не подлежат никакому «исправлению», они – неисправимы, как непоправима любовь, а всё, что ещё можно как-то поправить, отдаётся в этой истории на откуп издыхающему буйволу критического разума...

Имя Рене Генона основательно вошло в обиход отечественных интеллектуалов конца XX века и само его присутствие может служить своеобразным критерием серьёзности представляемых материалов, их включённости в иницирующий контекст. Эта обращённость была вполне реальным опытом «исправления имён», когда не просто «на место» Маркса и Ленина «поставили» Генона и Хайдеггера – большинство памятников-то осталось (!) на своих местах, но *произошла реинтеграция контекстов понимания*, к которым энергично отсылали эти почтенные имена, как и все те номинативно-понятийные ансамбли и словесно-символические образы, которые организовывали гравитационные поля их учений и ценностных точек отсчёта. Но сегодня, отдавая дань в признании той колоссальной и несоизмеримой с постмодернизмом формирующей роли, которую сыграло «исправление имён» в головах постсоветских интеллектуалов, выходящих из идеологического и мировоззренческого анабиоза, мы должны всё-таки признать, что в принципе *настоящая реинтеграция осуществлялась внутри макроэпистемы западного закатного мира*. О «безнадёжной» и небеспричинной втянутости русского мира в эту орбиту стоило бы говорить особо, но это – отдельная тема для сугубо апокалиптических исследований культуры.

Возникший в Европе вместе с «фаустовской культурой» на рубеже первого–второго тысячелетий от Рождества Христова Рождественский календарь – причём, как Григорианский, так и Юлианский, поскольку зазор в четырнадцать дней принципиально не меняет метафизической сюжетности уразумяемого человеком времени – воспроизводят западно-закатный ход макроистории, направленной на углубление внутреннего сценария Апокалипсиса. Изнутри «авраамических» пророческих традиций приближающемуся 2022 году частично со-отвечует 1444 год по Хидже в

Исламе, и 7530 год от Сотворения Мира всей Ветхозаветной календарной традиции (практически фиксирующей продолжительность Кали-юги, что, согласно Генону, выражает заключительный этап всего цикла Манвантары, иными словами: мегакалендарной индийской метафизики), по которой, между прочим, живут отнюдь не только правоверные иудеи, но жили на земле и сам Христос, и Божья Матерь, и св. апостолы, создавшие Церковь, и св. отцы, утвердившие все церковные каноны, и Византийская империя с её Св. Софией, откуда нашими предками было воспринято Православие, и Святая Русь до XVIII века... В *какой мере* вся эта культурно-историческая и духовная реальность уразумевается нами сегодня, являясь актуальным багажом нашей российской современности? – ответ на этот вопрос указывает на всю реальную глубину нашей необратимой включённости в западную историю.

Интересно, однако, что в работе «О влиянии исламской цивилизации на Европу» Генон убедительно показывает *мусульманское происхождение всех фундаментальных основ западноевропейской цивилизации* с конца первого тысячелетия от Рождества Христова: от алгебры и химии, эстетики и поэтики – до философии и астрономии... О близких вещах писал столетием ранее А. С. Хомяков в статье «Черты из жизни халифов», подчёркивая, что мир Ислама находился в те времена на более высоком в духовно-нравственном отношении уровне развития, чем варварская западная окраина Византийской империи. Интересно так же отмечал определённые черты эзотерики в западном религиозном процессе Г. Д. Гачев в своих «Национальных образах мира», указывая в существенной для нас частности, что «католицизм – это ислам в христианстве».

Многое проясняет в отношении Генона к масонским принципам, равно как и в самих контурах его земной судьбы, одна очень интересная работа «Эзотеризм Данте» [1], представляющая опыт эзотерической герменевтики «Божественной комедии» (отметим, что аналогичным образом автор обращается к дантевскому наследию и в других своих трудах, например – в «Очерках о христианском эзотеризме» [2]): «масонство» рассматривается им в интересующем нас здесь исследовании как «средство передачи эзотерических учений в Средние века». Приведём несколько

развёрнутых цитат из этого сочинения Генона: «...в происхождении розенкрейцерства лежат исламские влияния, но реальные истоки розенкрейцерства – это рыцарские ордена и как раз они осуществляли в Средние века истинную интеллектуальную связь между Востоком и Западом»; указывая на «персидское происхождение» многих спиритуально-эзотерических идей, Генон подчёркивает, что «надо восходить ещё далее, до Индии, где действительно встречается как в брахманизме, так и в буддизме множество символических описаний различных состояний существования в форме иерархически организованных Небес и Ада; некоторые даже доходят до того, что предполагают, что Данте мог испытать индийское влияние непосредственно»; «для тех, кто видит во всём этом лишь "литературу", - отмечает автор, - такой способ рассмотрения понятен, хотя довольно трудно даже с чисто исторической т. зр. предположить, что Данте мог что-либо знать об Индии иначе, чем через посредство арабов»; «верно, что то, что мы находим у Данте, в совершенстве согласуется с индийскими теориями миров и космических циклов... подобное согласие существует у всех тех, кто знает одни и те же истины, каков бы ни был способ, каким они обрели это знание».

В работе о Данте Генон затрагивает и тему «вечного возвращения», связываемую в новоевропейской философии с именем Ницше. Между тем, согласно Генону, «полагать», что «всё окажется к концу в положении идентичном – значит впасть в ошибку "вечного возвращения" Ницше». У Данте же Генон отмечает «формальное указание на то "вечное возвращение", которое занимает важное место во всех традиционных учениях и на котором (что является довольно замечательным совпадением) особенно настаивают исламский эзотеризм и даосизм»; эти же идеи отмечены им «у Гераклита и стоиков», «от Пуран до Апокалипсиса, - видит Генон, - согласие этих традиций с герметическим учением».

Генон приводит отрывок из книги Элифаса Леви «История магии»: «Число комментаторов и исследований произведения Данте умножилось, и никто, насколько нам известно, не указал на его истинный характер. Произведение великого гибеллина есть объявление войны папству через дерзкое раскрытие мистерий. Эпопея Данте иоаннитская и гно-

стическая; это дерзкое применение фигур и чисел Каббалы к христианским догмам и тайное отрицание всего того, что есть абсолютного в этих догмах. Его путешествие через сверхъестественные миры происходит как посвящение... Это уже превзойдённый протестантизм, и поэт, враг Рима, уже разгадал Фауста, поднимающегося на небо на голове побеждённого Мефистофеля». Далее следует геноновский комментарий: «...протестанты, и в особенности последователи Лютера, обычно пользуются словом «Евангелическое», чтобы обозначить своё учение, но с другой стороны, известно, что печать Лютера имела на себе крест, в центре которого была роза; известно также, что организация розенкрейцеров, которая публично заявила о себе в 1604 году (с которой Декарт тщетно стремился установить отношения), объявила себя «антипапистской». Но мы должны сказать, что это Роза и Крест (начала XVII века) были уж очень внешними и очень далеко отстояли от подлинных первоначальных Розы и Креста, которые никогда не составляли общества в собственном смысле этого слова; что касается Лютера, то он, по-видимому, был всего лишь чем-то вроде второстепенного агента, без сомнения, весьма слабо даже осознающим роль, которую он должен играть; впрочем, эти пункты никогда не были достаточно полно разъяснены».

Генон указывает и на всеобщую «ошибку систематических интерпретаций», поскольку «знания посвящения отличаются от всех профанных знаний»: «По самой своей сущности символизм посвящения не может быть сведён к более или менее систематически точным формулам, подобным тем, которые предпочитает профанная философия». И, более того, «не является ли всякое выражение лишь символом; следовательно, надо всегда оставлять место для невыразимого, которое даже в порядке чисто метафизики является наиболее важной частью». Автор подчёркивает специфику своей герменевтики: «...для нас речь не идёт об эрудиции более или менее бесполезной, но об истинном понимании». «Данте, - с этих позиций, - вдохновляется... апостолом Иоанном, с которым рыцарские ордена главным образом связывали свои учёные концепции». Не отсюда ли в масонско-эзотерическом употреблении само понятие «иоаннитский эон» в значении «эры духа», о

которой мечтали от Иоахима Флора до Бердяева?

«В конце концов, - пишет Генон, - все традиции между собой согласны, насколько ни отличались бы они по форме». Во всяком случае, внутри христианской традиции такой интегрально-экуменический принцип часто интерпретировался как «дело Антихриста»... Поглощённость ума этой захватывающей синтетической идеей приводит к явному ослаблению духовного критицизма в «распознавании духов», когда, например, Генон пишет: «Действительно, не только основание учений всегда и повсюду одно и то же, но, более того, что может казаться ещё более удивительным на первый взгляд, способы выражения сами представляют часто поразительное сходство, в том числе и для традиций, которые слишком удалены друг от друга во времени или в пространстве, чтобы можно было предположить непосредственное влияние их друг на друга; в таком случае, конечно, надо было бы для того, чтобы открыть эффективную связь, идти гораздо далее, чем позволяет нам это сделать история». В итоге возникает убедительно-красивая и весьма проникновенная мегаутопия эзотерической *обозримости* и полной метафизической *понятности* макроисторического бытия в его символических границах: «...почему земной рай описывается как сад с растительным символизмом, тогда как небесный Иерусалим – как город с минеральным символизмом? Потому что растительность представляет собою выработку ростков в сфере витального усвоения, тогда как минералы представляют окончательно зафиксированный результат, ”кристаллизацию“, так сказать, в терминах циклического развития».

Генон в своих устойчивых взглядах на макроисторию был *последовательным анти-эволюционистом* и развивал метафизическую теорию «инволюции», постепенной и ускоряющейся во времени деградации человечества внутри мегацикла Манвантары, состоящей из четырёх Юг – эпох, соответственная продолжительность которых пропорционально выражается следующим числовым алгоритмом: $4 + 3 + 2 + 1 = 10$.

О самом слове «метафизика» в работе «Основные признаки метафизики» Генон пишет так: «...наиболее естественное значение этого слова, даже с точки зрения этимологии

– то, согласно которому оно включает в себя всё, что «по ту сторону физики», если понимать здесь под «физикой», подобно древним, совокупность естественных наук в целом, а не просто одну из таких частных наук, как предполагает современное зауженное значение». В «Символах священной науки» Генон говорит и об особом эзотерическом «языке птиц», передающем эти *высшие метафизические сверхчеловеческие состояния*, к которым он сам на протяжении всей своей земной жизни стремился быть причастным...

Совершенно очевидно, как то, что, продолжая жить в начале третьего тысячелетия, следуя западному Рождественскому архетипу, мы не можем отказаться от серьёзного и пристального изучения закато-апокалиптической метафизики этого культурно-цивилизационного мира, если не хотим быть его непаспортизированной, но по-иному всё-таки учтённой крепостной провинцией – как понятно и то, что, оставаясь пока ещё *позитивно недоразвитым* русским миром, мы не можем сверять и править только по западным именам и символам своё грядущее. Нам далеко не безразлично содержательное наполнение той новой «идеациональности», которая, согласно Питириму Сорокину, идёт на смену «сенсорному» социокультурному периоду, необычайно сблизившему нас за последние два столетия с поствозрожденческим Западом.

Если К. Н. Леонтьев с горечью констатировал финализм как западной, так и русской культуры, то другие отечественные мыслители последних двух столетий – и упомянутые здесь, и неупомянутые – начиная с А. С. Хомякова и Н. Я. Данилевского – чаяли, что Россия, как спящая красавица, принадлежит неисповедимому грядущему. «Необходимо понимать, - подчёркивал ещё в 1923 г. со своего ”фаустовского берега“ и Освальд Шпенглер в работе ”Двойной лик России и немецкие восточные проблемы“, - всемирно-историческое значение России, её место между великими старыми культурами: Европой, Китаем, Индией и Исламом, её сложившуюся в течение тысячелетий душу».

Наше сегодняшнее мыслительное собиранье по близости своей ещё ближе тревожных времён Булгакова и Бердяева к этому необратимому шагу в грядущее, которое навсегда уже останется и с их согревшими нас на

разломе тысячелетий приснопамятными именами. Не в этой ли глубинно поставленной интеллектуальной школе кроется залог и самой новейшей отечественной эзотерической герменевтики наследия Данте [3, 4]? – но это могло бы стать темой отдельного пристального разбора и обстоятельного исследования.

Библиографический список:

1. *Генон Р. Эзотеризм Данте // Генон Р. Избранные сочинения: Царство количества и знамения времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. М.: «Беловодье», 2003.*

2. *Генон Р. Царь мира; Очерки о христианском эзотеризме. М.: «Беловодье», 2008.*

3. *Назаров В. Н. Право на ад: Семиотика пороков в «Божественной Комедии» Данте («Ад» и «Чистилище»). Тула: ООО «Аквариус», 2019.*

4. *Назаров В. Н. Данте: Восхождение к небесам Рая. Морально-эстетическая символика «Рая» в «Божественной Комедии». Тула: ООО «Аквариус», 2020.*

©Океанский В. П., Океанская Ж. Л., 2021